

Научная статья

УДК 331.1, 338.2

doi:10.37614/2220-802X.4.2022.78.012

**КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И РОССИЙСКАЯ АРКТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19****Екатерина Евгеньевна Торопушина**

Институт экономических проблем имени Г. П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, Апатиты, Россия, wranka@rambler.ru, ORCID 0000-0002-5263-2902

Аннотация. Вспышка новой коронавирусной инфекции и необходимость борьбы с ней повсеместно способствовали более активной реализации компаниями своих политик в сфере корпоративной социальной ответственности, росту социальных инвестиций в здравоохранение и образование, развитию корпоративного волонтерства. Такое усиление деятельности наблюдалось и ранее — в периоды других кризисов и катастроф, когда компании в значительной мере расширяли свою социальную активность, переходили на новый уровень взаимодействия с сотрудниками, потребителями и сообществами для решения острых проблем критического периода, сохраняя в дальнейшем эти новые элементы уже в своей текущей деятельности. Целью работы стало исследование практики реализации корпоративной социальной ответственности в периоды различных кризисов, включая пандемию COVID-19. Были использованы научные методы контент-анализа, логического и сравнительного анализов. Представленное исследование вносит вклад в научный дискурс по проблеме взаимосвязи между теорией и практикой корпоративной социальной ответственности, ее реализации в периоды различных кризисов. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных результатов в практике инициирования и реализации бизнес-структурами, включая российские арктические компании, своей политики в этой сфере (в том числе и сейчас, в период украинского кризиса, в условиях геополитической и геоэкономической неопределенности). Очевидно, что до сих пор неясность последствий пандемии COVID-19 и появление новых беспрецедентных изменений геополитических и геоэкономических условий, вызванных украинским кризисом, предполагают продолжение исследований в данном направлении и требуют проведения дополнительного изучения корпоративной социальной ответственности, а также ее практической реализации компаниями, осуществляющими свою экономическую деятельность в российской Арктике.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, кризис, зарубежный опыт, российская Арктика, пандемия, COVID-19

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» в части проведения научно-исследовательской работы Института экономических проблем имени Г. П. Лузина по теме «Социальные аспекты управления саморазвитием регионов и местных сообществ в российской Арктике» (государственный регистрационный номер АААА-А18-118051590115-9).

Для цитирования: Торопушина Е. Е. Корпоративная социальная ответственность во время кризиса: исторический аспект и российская арктическая практика в период пандемии COVID-19 // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 4. С. 167–180. doi:10.37614/2220-802X.4.2022.78.012

Original article

**CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY DURING THE CRISIS:
HISTORICAL ASPECT AND RUSSIAN ARCTIC PRACTICE DURING THE COVID-19 PANDEMIC****Ekaterina E. Toropushina**

Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity, Russia, wranka@rambler.ru, ORCID 0000-0002-5263-2902

Abstract. The outbreak of a new coronavirus infection and the need to combat it everywhere contributed to the more active implementation by companies of their policies in the field of corporate social responsibility, the growth of social investments in healthcare and education, and the development of corporate volunteering. Such an increase in activity was also observed earlier — during periods of other crises and disasters, when companies significantly expanded their social orientation, moved to a new level of interaction with employees, consumers and communities to solve acute problems of a critical period, retaining these new elements in the future already in its current activities. The aim of the work was to study the practice of implementing corporate social responsibility during periods of various crises, including the COVID-19 pandemic. In the process of work, scientific methods of content analysis, logical and comparative analysis were used. The study contributes to the scientific discourse on the problem of the relationship between the theory and practice of corporate social responsibility, its implementation during periods of various crises. The practical significance lies in the possibility of applying the results obtained in the practice of initiating and implementing by business structures, including Russian Arctic companies, their policies in this area (including now, during the Ukrainian crisis, in conditions of geopolitical and geo-economic uncertainty). It is obvious that the still existing uncertainty in the manifestation of the consequences of the COVID-19 pandemic and the emergence of new unprecedented changes in geopolitical and geo-economic conditions caused by the Ukrainian crisis, suggests continuation of the study of these issues and requires additional research on corporate social responsibility, as well as its practical implementation by companies, carrying out their economic activities in the Russian Arctic.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

Keywords: corporate social responsibility, crisis, foreign experience, Russian Arctic, COVID-19 coronavirus pandemic

Acknowledgments: the article is based on the results of the state assignment on the topic of the research of the Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Science work AAAA-A18-118051590115-9 “Social Aspects of Self-development Management of Regions and Local Communities in the Russian Arctic”.

For citation: Toropushina E. E. Corporate social responsibility during the crisis: historical aspect and Russian Arctic practice during the COVID-19 pandemic. Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2022, no. 4, pp. 167–180. doi:10.37614/2220-802X.4.2022.78.012

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19¹ стала масштабной глобальной катастрофой для государственных систем здравоохранения по всему миру и спровоцировала экономический и социальный кризис. В таких условиях многие компании столкнулись с необходимостью переосмысления своих бизнес-моделей и действий в рамках реализуемых ими социально ответственных инициатив. Вопрос о том, сократить ли бюджеты на реализацию корпоративной социальной ответственности (КСО) или, наоборот, начать еще активнее интегрировать ее в свой бизнес и расширить социально ответственные меры, беспрецедентно повысил свою актуальность.

Практика реализации компаниями КСО в периоды различных кризисов и катастроф не нова и получила уже довольно широкое распространение, однако можно утверждать, что столь обширное развитие корпоративной политики и инициатив бизнеса в рамках их КСО для нивелирования последствий социально-экономического кризиса в истории развития этого института в таком масштабном проявлении наблюдалась впервые. Изменение добровольной роли компаний в поддержке сообществ в период распространения новой коронавирусной инфекции представляет собой фундаментальное измерение социального взаимодействия, которое расширило КСО [1, 2]. КСО в еще большей степени стала инструментом устойчивого развития, позволила не только создать огромные социальные выгоды в вопросе преодоления кризиса [3], вызванного пандемией COVID-19, но и реализовать в результате возможность улучшения финансовых показателей [4].

Сегодня, в условиях новых геополитических и геоэкономических реалий, вызванных украинским кризисом, беспрецедентного санкционного давления, высокой вероятности наступления глобального экономического кризиса, развитие КСО приобретает еще большую актуальность. Безусловно, в настоящее время компании стоят перед необходимостью изменять свою КСО, подстраивая деятельность в этой сфере под новые условия, однако сохраняется убежденность, что ответственные действия бизнес-структур по отношению к своим сообществам (и обществу в целом) способствуют обеспечению социально-экономической безопасности и общественного благополучия. Это относится и к тем компаниям, которые

осуществляют свою хозяйственную деятельность на арктических территориях России — большинство бизнес-структур рассматривает КСО как неотъемлемую часть своей деятельности, а направления ее практической реализации имеет уже широкий спектр: финансирование программ и проектов в сфере образования, здравоохранения, формирование городской среды, благотворительность, корпоративное волонтерство и пр. [5, с. 27], участие в создании и развитии объектов социальной инфраструктуры, являющейся важнейшей детерминантой формирования человеческого капитала и социально-экономического развития арктических территорий [6]. Кризис, вызванный пандемией COVID-19, и новый кризис, трансформирующий геоэкономическое / геополитическое пространство в связи с проведением специальной военной операции на Украине, оказывают влияние на развитие КСО и усиление потребности в ней, что обеспечивает важность укрепления этого института в российской Арктике и определяет актуальность настоящего исследования, цель которого заключается в изучении практики реализации КСО в периоды различных кризисов, включая пандемию COVID-19. Автор ставит перед собой задачи проанализировать научную литературу по проблеме развития концепции КСО, рассмотреть примеры реализации КСО-инициатив в периоды различных кризисов, включая практику российских арктических корпораций во время пандемии COVID-19. Научная новизна исследования определяется рассмотрением эволюции КСО (теории и практики) через призму реагирования на различные кризисы, такие как пандемия COVID-19.

Теоретическая база

Становление идеи социальной ответственности, отраженной еще в трудах Эндру Карнеги и опирающейся на два базисных принципа — благотворительность (поддержка безработных, престарелых, больных) и управление (обеспечение общественного развития) [7], произошло в период одного из наиболее серьезных мировых кризисов — Великой депрессии 1930-х гг. Одной из первых научных публикаций, посвященных обсуждению концепции социальной ответственности, стала статья А. Берла «Для кого корпоративные менеджеры являются попечителями: примечание» [8], в которой было представлено исследование

¹ COVID-19 — инфекционное заболевание, вызванное коронавирусом SARS-CoV-2.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

о необходимости корпораций соучаствовать в обеспечении безопасности и помощи социально уязвимым группам людей. В 1953 г. Говард Боуэн в своей монографии «Социальная ответственность бизнесмена» [9] (принесшей ему славу «отца корпоративной социальной ответственности» [10]) во многом определил рамки и направления последующей дискуссии о КСО и впервые дал определение понятия «корпоративная социальная ответственность» — «обязательство предпринимателей реализовывать стратегии и решения или следовать политике, которая ценится людьми и обществом» [9].

Такая двойственность определения, включающего влияние внешних факторов (то есть наличие так называемого *общественного договора*, обязывающего бизнес-структуры учитывать в своей деятельности цели и ценности общества) и внутренних источников КСО (когда корпорация рассматривается как *моральный агент*, относительно самостоятельно формирующий общественные ценности), стала базисом «эволюции учения о КСО» [11, р. 21] и послужила формированию двух основных подходов. Первый, базирующийся на признании определяющей роли общественного договора при формировании КСО, находит свое отражение в трудах политологов и экономистов, таких как, например: Т. Левитт, М. Фридман, Дж. Гелбрейт, К. Девис, Л. Престон, Дж. Пост, А. Керолл и пр. В рамках формирования второй позиции в дискуссии о сущности КСО, основанной на подходе к корпорации как моральному агенту (сторонниками этой точки зрения являлись преимущественно философы, специализирующиеся на проблематике этики бизнеса), наиболее существенный вклад внесли труды Дж. Ладда, П. Френча, Дж. Данли, К. Годпастера, М. Веласкеса и др.

Следует отметить, что, несмотря на то что наибольшее развитие концепция КСО получила с конца 1950-х гг. (когда значительно увеличилось количество научных публикаций, посвященных вопросам социальной ответственности [10]), вплоть до 1970-х гг. КСО, как правило, воспринималась как ответственное отношение, а не как деятельность, и соотносилась, в первую очередь, с экономическими обязательствами [12]. Так, М. Фридман в книге «Капитализм и свобода» отмечал, что в свободном обществе «существует одна и только одна социальная ответственность бизнеса: использование своих ресурсов для участия в деятельности, направленной на повышение его прибылей, в той мере, в которой она соответствует правилам игры, обеспечивающим открытую и свободную конкуренцию без обмана и мошенничества» [13, р. 133]. В рамках этого же подхода Дж. Гелбрейт обосновывает необходимость со стороны общества ограничивать свободу действий корпораций посредством инструментов государственного регулирования, то есть «создавать жесткие рамки,

которые смогут привести власть корпораций в соответствие с общественными целями» [14, р. 277]. Развивая уже комплексный подход к исследованию влияния внешних факторов на КСО, К. Девис предлагает рассматривать социальную ответственность и на системном уровне, и на уровне фирмы, подчеркивая, что «социальная ответственность бизнесменов непосредственно вытекает из той реальной социальной власти, которой они обладают, и должна ей соответствовать» [12]. А Л. Престон и Дж. Пост, развивая логику К. Девиса, предлагают взамен КСО новую концепцию «публично-правовой ответственности», в рамках которой «бизнес и общество представляют собой взаимопроникающие системы, объединяемые и рынком, и государственной политикой» [15, р. 102], а ответственность фирмы соотносится с «функциями менеджмента в организации в специфическом контексте государственной политики» [15, р. 10].

В 1970-е гг. началось развитие дискуссии о сущности КСО, основанной на подходе к корпорации как к моральному агенту [16], который постепенно стал преобладающим в дискурсе о КСО и одним из главных направлений изучения этой сферы. Среди специалистов, внесших наиболее существенный вклад в развитие данной области, значимое место занимает К. Годпастер, который в своих работах (личных и в соавторстве) сформулировал и обосновал целый ряд положений, касающихся КСО. Были классифицированы подходы к сущности моральной ответственности и КСО, а сама идея корпорации как морального агента была встроена в единую систему с трактовками внешних источников КСО в рамках теорий стратегического управления [17].

В целом в 1970-е гг. концепция КСО была значительно расширена — в это понятие были включены не только экономические, но и этические аспекты, социальные обязательства перед заинтересованными сторонами [18]. Была предложена трехэтапная модель корпоративного поведения — социальные обязательства, социальная ответственность и социальная отзывчивость [19]. Сама концепция КСО в большей степени стала опираться на модель, предложенную А. Кероллом, где КСО рассматривалась как многоуровневая «система, состоящая из трех групп элементов: экономической, правовой, этической и филантропической ответственности, социальной ответственности и управления социальными проблемами» [20], а «компания, исповедующая корпоративную социальную ответственность, должна стремиться получать прибыль, исполнять законы, быть этической, а также быть хорошим корпоративным гражданином» [20].

До конца 1990-х гг. развитие концепции КСО было направлено преимущественно на уточнение бизнес-модели этого института, а научные исследования

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

фокусировались на моделировании социально ответственной деятельности и оценке результатов. Не выходя за рамки нормативной аргументации, сторонники обеих позиций (моральноагентской и общественного договора) так и не смогли в тот период предложить бизнесу конкретных ценностных ориентиров, на которых можно было бы строить реальные управленческие процессы [21, с. 28].

В начале 2000-х гг. в результате усиливающейся глобализации, конкуренции, интенсификации экологических бедствий и катастроф концепция КСО перешла из плоскости практической деятельности компаний в приоритетные интересы правительств и гражданского общества [22], становясь все более многогранной и охватывающей не только корпоративное поведение, отношения и действия, но и общественные ценности [23]. Последовательная деятельность в области КСО стала рассматриваться с точки зрения возможности генерировать моральный капитал за счет укрепления корпоративной репутации [24], тогда как моральный капитал может действовать как социальная лицензия, форма страхования от непредвиденных рисков для корпоративного имиджа, репутации или прибыли [25]. Инвестиции корпораций в социальную сферу стали фактором усиления конкурентных преимуществ, а корпоративные стратегии, согласно концепции «создания разделяемой ценности» [26], предложенной М. Портером и М. Крамером, стали рассматриваться с точки зрения двух основных моделей КСО — «реагирующей» и «стратегической» [27]. Постепенно концепция КСО расширилась от восприятия ее как благотворительной деятельности (целью которой было удовлетворение потребностей общества и помощь, как правило, социально уязвимым группам населения) до систематической корпоративной деятельности и интенсивного взаимодействия с заинтересованными сторонами [28] на основе социальных, экономических и экологических интересов, направленных на долгосрочное устойчивое экономическое развитие и общественное благосостояние. Рассматриваемая в рамках теории заинтересованных сторон КСО [29] стала использоваться в качестве механизма компаний для управления различными акторами, оказывающими прямое или опосредованное влияние на возможность получения социальной лицензии на ведение экономической деятельности [30].

К настоящему времени КСО, понимаемая в широком контексте, включает уже множество концепций и идей, таких как корпоративная ответственность, корпоративная подотчетность, деловая этика,

корпоративное гражданство, ответственное предпринимательство, устойчивое развитие и др. [31], а разнообразные определения понятия «корпоративная социальная ответственность» основываются на различных группах заинтересованных сторон [32], направленности (внутренней или внешней) [33], но зачастую КСО рассматривается как «дискреционное распределение корпоративных ресурсов для улучшения социального благосостояния и отношений с ключевыми заинтересованными сторонами» [34], что, по сути, отражает определение КСО, данное еще Г. Боуэном в 1953 г. [9]. Таким образом, в современном мировом научном дискурсе отсутствует не только общее определение базовой категории «корпоративная социальная ответственность», но и «единое понимание эволюции концепции КСО как процесса, охватывающего появление и развитие целой системы релевантных концепций, так называемых “альтернативных тем”» [21, с. 7]. Основным направлением развития концепции КСО стал тренд от «корпоративной социальной ответственности» к «корпоративной социальной восприимчивости» и затем к «корпоративной социальной деятельности» с вовлечением в свою сферу концепций заинтересованных сторон, корпоративного гражданства и корпоративной устойчивости, что в значительной степени проявляется в научном дискурсе (зарубежном и российском), посвященном данному вопросу.

Результаты и их обсуждение

История развития КСО включает огромное количество примеров реализации инициатив, проектов и программ, направленных на решение социальных проблем, возникающих в периоды различных кризисов, катастроф и бедствий. Обширна практика реализации КСО в периоды возникновения различных стихийных бедствий, таких как землетрясения, цунами, ураганы, пожары и пр. Например, в результате землетрясения, произошедшего 27 мая 2006 г. в Джакарте (Индонезия), 5716 человек погибло и около 38 тыс. получили ранения, было уничтожено более 240 тыс. домов, полностью нарушена хозяйственная деятельность местного сообщества, а экономический ущерб составил около 3,1 млн долларов [35]. Основная стратегия и политика КСО местных и зарубежных компаний, направленная на нивелирование последствий этого землетрясения, была сосредоточена на трех программных компонентах: 1) жилье и восстановление поселений, 2) общественная инфраструктура; 3) восстановление региональной экономики². Еще один пример — азиатское цунами 26 декабря 2004 г., когда погибло около 174 тыс. человек в четырнадцати странах.

² Preliminary Damage and Loss Assessment, Yogyakarta and Central Java Natural Disaster: A Joint Report of BAPPENAS, the Provincial and Local Governments of D. I. Yogyakarta, the Provincial and Local Governments of Central Java, and International Partners. The 15th Meeting

of the Consultative Group on Indonesia (CGI) Jakarta, 14 June 2006, Jakarta, 140 p. URL: <https://think-asia.org/bitstream/handle/11540/2453/damage-assessment-indonesia-earthquake.pdf?sequence=1> (дата обращения: 06.05.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

Одной из наиболее пострадавших стран стала Шри-Ланка, где погибло более 49 тыс. человек³, было уничтожено около тысячи километров побережья, а общее экономическое воздействие цунами оценивалось в 1 % годового роста валового внутреннего продукта страны [36]. Именно этот колоссальный ущерб, нанесенный людям и стране в целом, принципиально изменил практику КСО бизнес-организаций Шри-Ланки. В двух крупнейших компаниях — транснациональной Unilever и местной Brandix — работа по ликвидации последствий цунами еще больше укрепила их приверженность КСО с долгосрочной и устойчивой стратегической направленностью деятельности. Сразу же после цунами Unilever (социальные инвестиции компании, направленные на борьбу с последствиями цунами, составили 1 млн долларов) оперативно создала специальные сети для оказания чрезвычайной помощи, работая вместе с местными агентствами над распределением продуктов питания и средств гигиены, а также перечисляла пожертвования сотрудников в центральный фонд, а в дальнейшем реализовывала проекты реабилитации и реконструкции, в рамках которых, например, было построено 150 домов. Компания Brandix, при поддержке государственного агентства по экологии, осуществила очистку более 4 тыс. колодцев, загрязненных морской водой, находящихся на всей прибрежной полосе, пострадавшей от цунами (затраты составили около 24 тыс. долларов), предоставила полный комплекс услуг по водоснабжению новых домов, развивая и участие местного сообщества в реализации своих проектов КСО [37].

Аналогичные инициативы КСО как местных бизнес-структур, так и транснациональных / зарубежных компаний были реализованы и во время множества других чрезвычайных происшествий, таких как землетрясение 2008 г. в Китае, военные действия 2003 г. в регионе Дарфур в Судане, землетрясение и цунами 2011 г. в Японии, целый ряд лесных пожаров и ураганов в США и т. д. [38]. Многие компании при этом использовали механизм КСО, чтобы в результате интегрировать социальные интересы в свою корпоративную стратегию, а не просто сделать благотворительные пожертвования.

Во время различных эпидемиологических кризисов, вызванных, например, распространением ВИЧ / СПИДа, респираторных синдромов (MERS и SARS), лихорадки

Эбола и др., большую активность в расширении и практической реализации своих политик КСО проявляли фармацевтические компании. Реализуя свои проекты КСО, такие компании как, например, Pfizer, Johnson & Johnson, Merck & Co., Novartis, Sanofi и др., в качестве основной цели ставили не только необходимость создания в развивающихся странах более здоровых сообществ, но и способствование экономическому процветанию этих территорий, при этом все компании рассматривали здоровье, КСО, репутацию и устойчивость как взаимосвязанные элементы [39]. Одним из примеров долгосрочных проектов КСО, реализуемых фармкомпаниями, является, например, инициатива “Mectizan Donation” фирмы Merck & Co., начатая в 1987 г. и направленная на лечение слепоты, в рамках которой было создано лекарство, произведены инвестиции в его производство и осуществлялось бесплатное распространение препарата (в сотрудничестве с несколькими партнерами, включая Всемирную организацию здравоохранения и Всемирный банк). В результате реализации программы только за один год около 20 млн человек получили возможность пройти курс лечения и снизить риск развития данного заболевания [40].

Стремительное распространение COVID-19 по всему миру вызвало активные ответные действия компаний и усиление реализации ими КСО, независимо от их местонахождения и уровня (национального или регионального) социально-экономического развития. Не стала исключением и российская корпоративная практика в этой сфере. Так, исследование «COVID-19: трансформация корпоративной социальной ответственности во время и после пандемии»⁴, проведенное в 2020 г. агентствами Young Group Social и Fields4e PR, показало, что 85 % российских компаний усилили свою социально направленную деятельность в связи с пандемией и стали активнее реализовывать свои КСО-инициативы. 50 % компаний оказывали финансовую помощь, 40 % — задействовали сотрудников в качестве волонтеров, 32,5 % — выделили свои товары и услуги, а 27,5 % — запустили новые продукты и услуги для борьбы с пандемией и ее последствиями, при этом 59 % компаний комбинировали как минимум два вида помощи⁵. Другие многочисленные исследования также подтверждают, что большинство российских компаний активно содействовало в решении проблем, вызванных пандемией⁶.

³ Disaster statistics // Nation Master website. URL: http://www.nationmaster.com/graph/dis_tsu_aid_rec-disasters-tsunami-aid-recipients (дата обращения: 25.05.2022).

⁴ Исследование включало анкетирование 40 представителей российских компаний, интервьюирование 10 экспертов в области КСО и устойчивого развития, анализ более 70 кейсов из зарубежной и российской практики КСО.

⁵ COVID-19: трансформация корпоративной социальной ответственности во время и после пандемии // Young Group Social, Fields4e PR. URL:

https://s0.rbk.ru/v6_top_pics/media/rbcpro_presentations/2020/755922887901680/presentation-9a8fdbff0f81498d9cd39297526ea766.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

⁶ Что делал бизнес для общества во время пандемии // Официальный сайт Агентства социальной информации, 17 февраля 2021 г. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/02/17/chto-delal-biznes-dlya-obshhestva-vo-vremya-pandemii/> (дата обращения: 24.06.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

В российской Арктике в ответ на распространение COVID-19 компании также значительно расширили свою социально направленную деятельность. Лидером в сфере КСО (по данным Forbes) среди не только арктических, но и всех российских промышленных компаний по реализации различных мероприятий, направленных на борьбу с коронавирусом⁷, стало ПАО «ГМК «Норильский никель»»⁸. Только в течение 2020 г. «Норникель» направил более 20 млрд рублей на защиту жизни и здоровья своих сотрудников, помощь местным властям, медицинским и образовательным учреждениям, социально незащищенным гражданам. Компания приобрела более 460 тыс. тестов для определения коронавируса и более 10 млн защитных масок, 412 аппаратов искусственной вентиляции легких, 400 тепловизоров, 7 реанимобилей⁹. За счет «Норникеля» в регионах присутствия были развернуты две стационарные (в городе Норильске Красноярского края и городе Мончегорске Мурманской области), семь мобильных и пятнадцать мини-лабораторий, закуплено новое оборудование для местных больниц. При поддержке «Норникеля» в Центральной районной больнице города Мончегорска было открыто инфекционное отделение для лечения коронавируса. За самоотверженную борьбу с пандемией COVID-19 27 медиков города Норильска были награждены сертификатами на 50 тыс. рублей. Компания также предоставила предприятиям малого и среднего бизнеса города Норильска, некоммерческим организациям и социальным предпринимателям льготы и субсидии на оплату коммунальных услуг, бухгалтерские и юридические услуги, кредитные и арендные каникулы¹⁰. Помимо мероприятий, направленных на борьбу с коронавирусом, в этот же период компания значительно усилила свою деятельность в сфере реализации уже действующих

и новых социальных инициатив¹¹. Пандемия COVID-19 показала крайнюю важность наличия современной инфраструктуры системы здравоохранения, что ускорило процесс реализации «Норникелем» программы кардинального улучшения качества медицинских услуг для жителей регионов присутствия — уже открыт в Норильске первый из пяти медицинских центров, которые планируется запустить в Норильском промышленном районе и Дудинке в ближайшие годы. Несмотря на все экономические трудности, вызванные распространением новой коронавирусной инфекции, именно в этот период (в 2020–2021 гг.) социальные инвестиции «Норникеля» были существенно увеличены (рис. 1): с 14,5 млрд рублей (224 млн долларов) в 2019 г. до 36,1 млрд рублей (500 млн долларов) в 2020 г. и до 76 млрд рублей (более 1 млрд долларов) в 2021 г.¹².

Еще один пример — расширение во время пандемии COVID-19 социально направленной деятельности ПАО «НОВАТЭК»¹³. В период распространения новой коронавирусной инфекции компания поставила в учреждения здравоохранения регионов присутствия 55 аппаратов искусственной вентиляции легких, более 400 тыс. единиц медицинского оборудования, материалов и тестов, около 3,5 млн средств индивидуальной защиты и т. д., а также осуществила ремонт Мурманской областной больницы и установила в ней дополнительно более ста коек¹⁴. Социальные расходы «НОВАТЭКа», направленные на помощь в борьбе с распространением COVID-19 на территории регионов присутствия компании, в 2020 г. составили около 700 млн рублей, в 2021 г. — 71,4 млн рублей¹⁵. Пандемия COVID-19 отчетливо показала, насколько важны социальные факторы для обеспечения устойчивости бизнеса, что отразилось и на социальной направленности «НОВАТЭКа» — в 2020 г. усилилась деятельность компании в сфере развития социальной

⁷ Первые против COVID-19 // Официальный сайт ПАО «ГМК «Норильский никель»». URL: <https://ar2020.nornickel.ru/sustainable-development/social-initiatives/first-against-covid-19> (дата обращения: 14.05.2022).

⁸ Публичное акционерное общество «ГМК «Норильский Никель»» является лидером горно-металлургической промышленности России, крупнейшим в мире производителем высокосортного никеля и палладия. Производственные подразделения группы расположены в России — в Норильском промышленном районе, на Кольском полуострове и в Забайкальском крае, а также в Финляндии. КСО компании реализуется в практических инициативах, направленных на устойчивое развитие регионов присутствия, поддержание и стимулирование общественных инициатив, развитие социального партнерства, внедрение новых социальных технологий, развитие социальных компетенций местных сообществ, поддержку коренных малочисленных народов Севера и пр.

⁹ Наш Крайний Север. Отчет об устойчивом развитии 2020. 249 с. // Официальный сайт компании «Норникель». URL: https://www.nornickel.ru/files/ru/investors/disclosure/NN_CSO2020_RUS_07_06.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

¹⁰ Годовой отчет ПАО «ГМК «Норильский никель»» за 2020 год // Официальный сайт ПАО «ГМК «Норильский никель»». URL: https://ar2020.nornickel.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_nornickel_2020.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

¹¹ Годовой отчет ПАО «ГМК «Норильский никель»» за 2021 год // Официальный сайт ПАО «ГМК «Норильский никель»». URL: <https://ar2021.nornickel.ru/> (дата обращения: 02.06.2022).

¹² Norilsk Nickel 2021. Financial Results Presentation // Официальный сайт ПАО «ГМК «Норильский никель»». URL: https://www.nornickel.ru/upload/iblock/56c/Norilsk_Nickel_2021_FY_FINAL.pdf (дата обращения: 03.06.2022).

¹³ Публичное акционерное общество «НОВАТЭК» — крупнейший российский независимый производитель природного газа. Основные месторождения и лицензионные участки расположены в Ямало-Ненецком автономном округе. КСО компании реализуется в практических инициативах, направленных на развитие регионов и местных сообществ, реализацию социальных проектов, благотворительность и спонсорство.

¹⁴ Отчет в области устойчивого развития, 2020 // Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК». URL: https://www.novatek.ru/common/upload/doc/NOVATEK_SR_2020_RUS.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

¹⁵ Взаимодействие с обществом // Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК». URL: <https://www.novatek.ru/ru/development/responsibility/> (дата обращения: 19.05.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

инфраструктуры Ямало-Ненецкого автономного округа (являющегося основным регионом базирования), что проявилось в значительном росте социальных инвестиций, направленных «НОВАТЭКом» на реализацию целого ряда новых и уже действующих благотворительных проектов, культурных и образовательных программ, поддержку учреждений здравоохранения. В 2020 г. объем социальных инвестиций составил рекордные для компании 4,1 млрд рублей (без учета средств, направленных на борьбу с COVID-19). В 2021 г. социальные инвестиции компании сократились и составили 2,8 млрд рублей

(рис. 2), тем не менее социальная политика и благотворительность остались важными аспектами деятельности для «НОВАТЭКа». Компания продолжает реализацию проектов, направленных на создание благоприятных условий жизни населения территорий российской Арктики, а опыт, приобретенный в период пандемии COVID-19, внедряется в текущую практику реализации КСО (так, например, уже в 2021 г. компанией было приобретено два мобильных лечебно-профилактических комплекса с кабинетами «Диагностика» и «Лаборатория»).

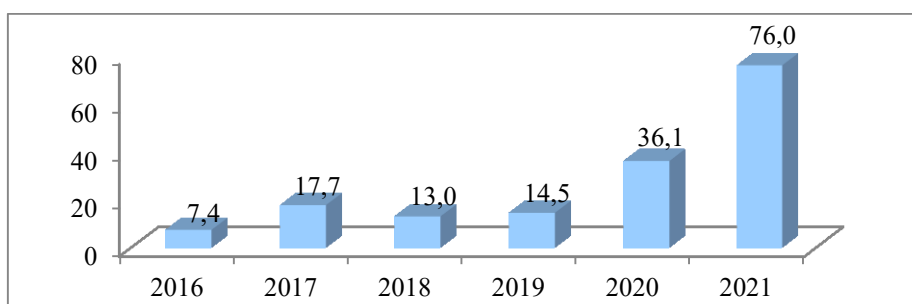

Рис. 1. Социальные инвестиции ПАО «ГМК «Норильский никель» в 2016–2021 гг., млрд рублей.

Источник: Социальные инвестиции, 2021 // Официальный сайт ПАО «ГМК «Норильский никель».

URL: <https://ar2021.nornickel.ru/sustainable-development/social-initiatives> (дата обращения: 16.05.2022)

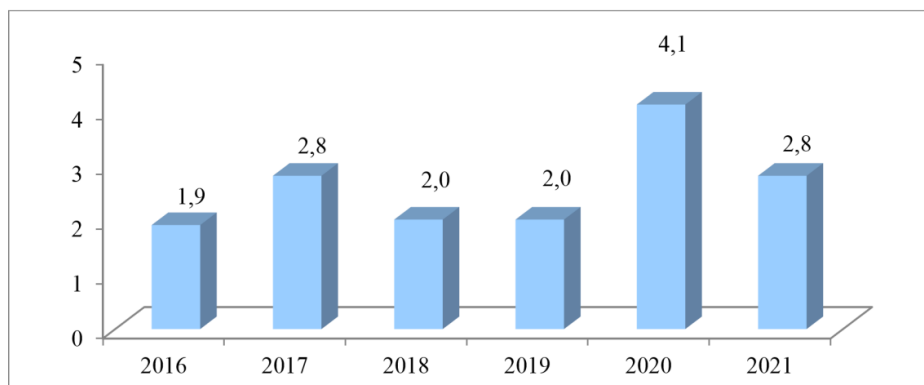

Рис. 2. Социальные инвестиции ПАО «НОВАТЭК» в 2016–2021 гг., млрд рублей. Источники: Отчет в области устойчивого развития,

2020 // Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК». URL: https://www.novatek.ru/common/upload/doc/NOVATEK_SR_2020_RUS.pdf

(дата обращения: 25.05.2022); Взаимодействие с обществом // Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК».

URL: <https://www.novatek.ru/ru/development/responsibility/> (дата обращения: 19.05.2022)

Кировский филиал АО «Апатит» ПАО «ФосАгро»¹⁶ только в течение 2020 г. направил около 400 млн рублей на обеспечение медицинским оборудованием, лекарственными препаратами, средствами индивидуальной защиты и т. д.

подразделений Апатитско-Кировской центральной городской больницы (Мурманская область) — было поставлено два реанимобиля, семнадцать аппаратов искусственной вентиляции легких, семьдесят кислородных концентраторов, компьютерный

¹⁶ Кировский филиал акционерного общества «Апатит», входящий в состав группы публичного акционерного общества «ФосАгро» (город Кировск, Мурманская область) — крупнейшее в мире предприятие по производству высокосортного фосфатного сырья и единственный в России производитель нефелинового концентрата. КСО компании реализуется в практических инициативах, направленных на социально-экономическое развитие местных сообществ и регионов присутствия, а основными механизмами взаимодействия являются

соглашения о сотрудничестве с правительствами регионов присутствия и органами местного самоуправления, соглашения о поддержке и развитии учреждений образования и здравоохранения, создание и поддержка некоммерческих организаций, создание дочерних обществ для развития непрофильных видов экономического воздействия на устойчивое развитие территорий, грантовые проекты, развитие корпоративного волонтерства, адресная помощь и пр.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

томограф и пр.¹⁷. На базе медицинского центра ООО «Тирвас» в Кировске была открыта клинично-диагностическая лаборатория (объем направленных ПАО «ФосАгро» средств составил 23 млн рублей)¹⁸. Осуществлялись стимулирующие выплаты медицинским работникам, внесшим свой вклад в борьбу с COVID-19. Для обеспечения дистанционного обучения школьникам и педагогам Кировска и Апатитов были приобретены ноутбуки, роутеры, обеспечен доступ к интернету (затраты Кировского филиала АО «Апатит» составили около 12 млн рублей)¹⁹. В целом за 2020–2021 гг. социальные расходы «ФосАгро», направленные на борьбу с распространением COVID-19 на территории регионов присутствия компании, составили суммарно свыше 2,6 млрд рублей. Действия «ФосАгро» в период пандемии получили высокую оценку на государственном уровне — в октябре 2021 г. председатель Координационного совета Российского союза промышленников и предпринимателей по противодействию коронавирусной инфекции, генеральный директор «ФосАгро» А. Гурьев был награжден орденом Пирогова «За большой вклад в организацию работы по оказанию медицинской помощи, предупреждению и предотвращению распространения коронавирусной инфекции»²⁰.

Социальные инвестиции компании неуклонно растут (рис. 3) — в 2021 г. без учета средств, направленных на борьбу с COVID-19, их объем составил 3,8 млрд рублей. Несмотря на сложную геоэкономическую ситуацию, вызванную сначала COVID-19, а теперь украинским кризисом, продолжается инвестиционное участие «ФосАгро» в реализации проектов, направленных на развитие местных сообществ и регионов присутствия, в рамках соглашений о социально-экономическом партнерстве. Так, на социально-экономическое развитие Мурманской области и городов Кировска и Апатиты в 2020–2022 гг. компания направила более 2,65 млрд рублей (общий объем затрат, включая расходы бюджета Мурманской области, составил свыше 4 млрд рублей). В рамках нового соглашения с Правительством Мурманской области на 2022–2024 гг., заключенного 16 июня 2022 г. на Петербургском международном экономическом форуме, общий объем финансирования проектов, направленных на развитие здравоохранения, образования, культуры и спорта Мурманской области и городов Кировска и Апатиты, предусмотрен уже в размере свыше 15 млрд рублей²¹.

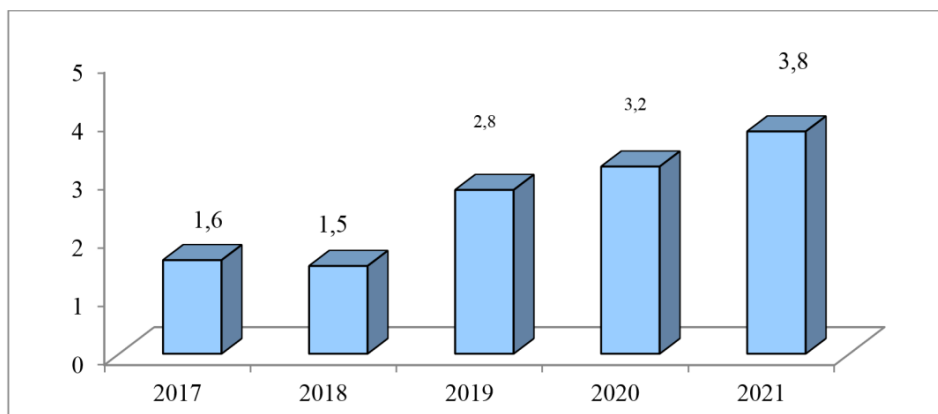

Рис. 3. Социальные инвестиции ПАО «ФосАгро» в 2017–2021 гг., млрд рублей. Составлено по данным годовых интегрированных отчетов ПАО «ФосАгро» за 2017–2021 гг., представленных на официальном сайте ПАО «ФосАгро». URL: <https://www.phosagro.ru/investors/reports/year/> (дата обращения: 25.06.2022)

¹⁷ PRO рост. Интегрированный отчет, 2020 // Официальный сайт ПАО «ФосАгро». URL: <https://www.phosagro.ru/upload/iblock/412/4120f56e50e0f854835cc2c1dd7d60d7.pdf> (дата обращения: 24.06.2022).

¹⁸ ФосАгро расширяет программу поддержки медицины Кировско-Апатитского района // Официальный сайт ПАО «ФосАгро», 14 июля 2021 г. URL: <https://www.phosagro.ru/press/coronavirus/fosagro-rasshiryayet-programmupodderzhki-meditsiny-kirovsko-apatitskogo-rayona/> (дата обращения: 25.06.2022).

¹⁹ ФосАгро окажет помощь в организации процесса дистанционного обучения школьников в городах присутствия // Официальный сайт ПАО «ФосАгро», 14 апреля 2020 г. URL: [https://www.phosagro.ru/press/company/fosagro-okazhetpomoshch-v-](https://www.phosagro.ru/press/company/fosagro-okazhetpomoshch-v-organizatsii-protsessadistantsionnogo-obucheniya-shkolnikov-v-gorodakh-prisutstviya/)

[organizatsii-protsessadistantsionnogo-obucheniya-shkolnikov-v-gorodakh-p/](https://www.phosagro.ru/press/company/fosagro-i-pravitelstvomurmanskoy-oblasti-v-khode-pmef-2022-zaklyuchili-soglasheniye-o-sotsialno-ekonomicheskompartnerstve-do-2024-goda/) (дата обращения: 25.06.2022).

²⁰ Наука устойчивого плодородия. Интегрированный отчет, 2021 // Официальный сайт ПАО «ФосАгро». URL: <https://www.phosagro.ru/upload/iblock/dc9/dc9ee42f1af7716f4ce9cebfbde271755.pdf> (дата обращения: 22.06.2022).

²¹ ФосАгро и Правительство Мурманской области в ходе ПМЭФ-2022 заключили Соглашение о социально-экономическом партнерстве до 2024 года // Официальный сайт ПАО «ФосАгро», 16 июня 2022 г. URL: <https://www.phosagro.ru/press/company/fosagro-i-pravitelstvomurmanskoy-oblasti-v-khode-pmef-2022-zaklyuchili-soglasheniye-o-sotsialno-ekonomicheskompartnerstve-do-2024-goda/> (дата обращения: 26.06.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

Подводя итог отметим, что вспышка новой коронавирусной инфекции COVID-19 стала не только вызовом и угрозой для экономической составляющей деятельности компаний, но и серьезным стимулом развития КСО, в том числе и на арктических территориях России. КСО в российской Арктике, где становление этого института произошло в более поздний период, по сравнению с зарубежной практикой развития КСО [41], к настоящему времени уже стала неотъемлемой частью и атрибутом успешной деятельности большинства бизнес-структур [42]. Вопрос реализации КСО является крайне значимым и актуальным на арктических территориях, поскольку деятельность компаний (зачастую являющихся градообразующими) напрямую влияет на развитие и саморазвитие местных сообществ Арктики. Необходимость нивелирования влияния негативных последствий пандемии COVID-19 на общественное здоровье, социальное и экономическое благополучие повсеместно привели к значительному усилению альтруистической и просоциальной деятельности бизнес-структур — российская арктическая практика в сфере КСО стала еще более значимой детерминантой социальной безопасности местных сообществ [43] и их социальной устойчивости, то есть формирования такого состояния социума, при котором обеспечиваются социальная справедливость, высокие качество и уровень жизни населения [44].

Пандемия коронавируса по-новому расставила акценты не только в практической реализации социально направленных инициатив, включив в сферу интересов компаний более широкий круг вопросов поддержки социальных предпринимателей, предприятий малого и среднего бизнеса, различные аспекты социальных инвестиций в образование, здравоохранение и здоровье (не только сотрудников, но и местного населения), в том числе на основе формирования и внедрения более гибких моделей активного взаимодействия с местными сообществами в решении актуальных проблем, но и в вопросе оценки КСО-деятельности бизнес-структур сотрудниками, потребителями и сообществами, сместив приоритеты с оценки продукции компании на оценку ее глобальной пользы в борьбе с COVID-19²², тем самым существенно усилив важность вклада той или иной компании в защиту общества и общественных ценностей.

Пандемия COVID-19 послужила импульсом формирования трех мощных трендов реализации

КСО: беспрецедентной финансовой поддержки местных сообществ, значительного расширения практик корпоративного волонтерства, развития деятельности в сфере материального обеспечения (различным оборудованием и другими товарами) медицинских и образовательных учреждений, населения. Многие компании скорректировали свои стратегии КСО и, помимо борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции и поддержки социально уязвимых категорий граждан, усилили направление помощи малому и среднему бизнесу²³. Несмотря на то что все эти направления изначально носили преимущественно ситуационный характер (как ответ на COVID-19), многие из них вошли уже в системные, долгосрочные проекты.

Заключение

Различные теоретические подходы к концепции КСО, формирование и эволюция ее структуры и закономерности этого процесса предопределили вариативность и многогранность данного института, охватывающего не только корпоративное поведение, отношения и деятельность, но и ценности общества. Практики КСО эволюционируют с течением времени, переходя с преимущественно благотворительной формы на устойчивую стратегическую платформу. Все больше компаний используют КСО, чтобы интегрировать социальные интересы в свою корпоративную стратегию, а не просто занимаются филантропией, что отражается в реализуемых долгосрочных проектах, направленных на устойчивое социальное развитие местных сообществ и регионов присутствия, поддержание и стимулирование общественных инициатив, создание благоприятных условий жизни населения и т. д. КСО-стратегия становится одним из главных инструментов формирования и укрепления репутации компании для основных стейкхолдеров и общественности. С точки зрения теории заинтересованных сторон, это оправданный подход для бизнес-структур к распределению ресурсов между внутренними и внешними заинтересованными сторонами, позволяющий оценить значимость компании в обществе и ее обязательства перед местным сообществом. Последовательная деятельность в области КСО генерирует капитал компании за счет укрепления корпоративной репутации, реализуемый в виде социальной лицензии, а также некоторой формы страхования от непредвиденных рисков для корпоративного имиджа или прибыли.

²² COVID-19: трансформация корпоративной социальной ответственности во время и после пандемии // Young Group Social, Fields4e PR. URL: https://s0.rbc.ru/v6_top_pics/media/rbcpro_presentations/2020/755922887901680/presentation-9a8fdbff0f81498d9cd39297526ea766.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

²³ Балабошина Д. Люди как новый акцент корпоративной социальной ответственности // Корпоративная социальная ответственность. Тематическое приложение к ежедневной деловой газете РБК, 28 апреля 2021 г. URL: <https://plus.rbc.ru/news/60882ac77a8aa92cb9db54e5> (дата обращения: 04.05.2022).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

Стремительное распространение новой коронавирусной инфекции внесло коррективы не только в направления социально ответственной деятельности компаний, большинство из которых стало активными участниками решения проблем, связанных с пандемией COVID-19, но и в приоритеты местных сообществ, оценивающих КСО-деятельность корпораций с позиции их вклада в достижение общих целей и сохранение общих ценностей. Кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции COVID-19, не отразился на уже реализуемых российскими арктическими компаниями КСО-инициативах, направленных на развитие регионов присутствия и местных сообществ, а способствовал более активной реализации бизнес-структурами своих политик в сфере КСО, росту социальных инвестиций в здравоохранение и образование, развитию корпоративного волонтерства (что крайне востребовано и поддерживается обществом). Такая интенсификация КСО подтверждается самой практикой развития этого института, когда в периоды различных кризисов и катастроф (экономических, социальных, техногенных и пр.) компании в значительной степени усиливали деятельность в сфере КСО и переходили на новый уровень социального взаимодействия с сотрудниками, потребителями

и сообществами для решения острых проблем критического периода, сохраняя в дальнейшем эти новые элементы уже в своей текущей деятельности. Таким образом, критические ситуации не только усиливали необходимость реализации КСО и расширяли сферу ее применения, но и способствовали развитию этого института.

Однако трансформация КСО продолжается. Неопределенность в проявлении всех возможных последствий пандемии COVID-19 и появление новых беспрецедентных изменений геополитических и геоэкономических условий, вызванных украинским кризисом, безусловно, предполагает дальнейшее изучение данного направления, что требует проведения дополнительных научных исследований развития КСО и ее практической реализации на арктических территориях России. Данное же исследование вносит вклад в научный дискурс по проблеме взаимосвязи между теорией и практикой КСО и ее реализации в периоды различных кризисов, в том числе в арктических регионах России, что имеет и практическую значимость, поскольку позволит учесть потребности заинтересованных сторон при реализации бизнес-структурами своей политики в этой сфере сейчас, в период украинского кризиса, в условиях геополитической и геоэкономической неопределенности.

Список источников

1. Vapuji H., Patel C., Ertug G., Allen D. G. Corona crisis and inequality: Why management research needs a societal turn // *Journal of Management*. 2020. 46. 1205–1222. DOI: 10.1177/0149206320925881
2. Яхнеева И. В., Лесковская А. В. Корпоративная социальная ответственность малого и среднего бизнеса до и после пандемии // *Креативная экономика*. 2021. Т. 15, № 5. С. 1745–1756. DOI: 10.18334/ce.15.5.112154
3. Mahmud A., Ding D., Kiani A., Hasan M. Corporate social responsibility programs and community perceptions of societal progress in Bangladesh: A multimethod approach // *SAGE Open*. 2020. 10 (2). 1–17. DOI: 10.1177/2158244020924046
4. Guerriero C., Haines A., Pagano M. Health and sustainability in post-pandemic economic policies // *Nature Sustainability*. 2020. 3. 494–496. DOI: 10.1038/s41893-020-0563-0
5. Торопушина Е. Е., Башмакова Е. П., Рябова Л. А. Социальная Арктика. Практики социального партнерства в развитии арктических территорий: научно-аналитический доклад / под науч. ред. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: Издательство ФИЦ КНЦ РАН, 2020. 76 с. DOI: 10.37614/978.5.91137.442.6
6. Торопушина Е. Е., Башмакова Е. П. Государственно-частное партнерство в социальной сфере арктических стран Европы // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020. № 4. С. 167–190. WOS: 000607682900007
7. Chakraborty U. K. Developments in the concept of corporate social responsibility (CSR) // *The Researchers*. 2015. 1 (1). 23–45. DOI: 10.18356/1c39e4c3-en
8. Berle A. A. For whom corporate managers are trustees: A note // *Harvard Law Review*. 1932. 45. 1365–1372. DOI: 10.2307/1331920
9. Bowen H. R. *Social Responsibilities of the Businessman*. New York: Harper and Row, 1953. 226 p.
10. Carroll A. B. Corporate social responsibility: evolution of a definitional construct // *Business & Society*. 1999. 38. 268–295. DOI: 10.1177/000765039903800303
11. Freeman R. E., Husted B., Rahman S. S. *Unfolding Stakeholder Thinking: Theory, Responsibility and Engagement*. Routledge. 2002. 320 p. DOI: 10.4324/9781351281881
12. Davis K. Can business afford to ignore social responsibilities? // *California Management Review*. 1960. 2. 70–76. DOI: 10.2307/41166246
13. Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 202 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

14. Galbraith J. K. *The Age of Uncertainty*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1977. 365 p.
15. Preston L. E., Post J. E. *Private Management and Public Policy: the Principle of Public Responsibility*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1975. 157 p.
16. Danley J. Corporation moral agency: the case for anthropological bigotry. In: *Business ethics: readings and cases in corporate morality*. New York: McGraw-Hill, 1984. 526 p. (pp. 173–179).
17. Goodpaster K. E. *Conscience and corporate culture*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2007. 306 p.
18. Gavin J. F., Maynard W. S. Perceptions of corporate social responsibility // *Personnel Psychology*. 1975. 28. 377–387. DOI: 10.1111/j.1744-6570.1975.tb01545.x
19. Sethi S. P. Dimensions of corporate social performance: an analytical framework // *California Management Review*. 1975. 17. 58–64. DOI: 10.2307/41162149
20. Carroll A. B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance // *Academy of Management Review*. 1979. 4. 497–505. DOI: 10.5465/amr.1979.4498296
21. Благов Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность. Эволюция концепции. СПб.: «Санкт-Петербургский государственный университет», 2015. 157 с.
22. Crane A., McWilliams A., Matten D., Moon J., Siegel D. The corporate social responsibility agenda. In: *The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility* Eds. Oxford: Oxford University Press, 2008. 3–18.
23. Melo T., Garrido-Morgado A. Corporate reputation: a combination of social responsibility and industry // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2012. 19. 11–31. DOI: 10.1002/csr.260
24. Bright D. Dialogue: Virtuousness is necessary for genuineness in corporate philanthropy // *Academy of Management Review*. 2006. 31 (3). 752–754.
25. Godfrey P. Dialogue: A reply to Bright: Virtuousness and the virtues of the market // *Academy of Management Review*. 2006. 31 (3). 754–756.
26. Porter M., Kramer M. The Big Idea: Creating Shared Value. How to Reinvent Capitalism — and Unleash a Wave of Innovation and Growth // *Harvard Business Review*. 2011. 89. 62–77.
27. Porter M., Kramer M. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility // *Harvard Business Review*. 2006. 84 (12). 78–92. DOI: 10.1108/sd.2007.05623ead.006
28. Freeman R. E. A stakeholder theory of modern corporations. In: *Ethical Theory and Business*. Prentice Hall. Upper Saddle River, 2004. 56–65.
29. Francis B., Hasan I., Liu L., Wang H. Employee treatment and contracting with bank lenders: An instrumental approach for stakeholder management // *Journal of Business Ethics*. 2019. 158 (4). 1029–1046. DOI: 10.1007/s10551-017-3722-0
30. Рябова Л. А., Дидык В. В. Социальная лицензия на деятельность ресурсодобывающих компаний как новый инструмент муниципального развития // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2015. № 3. С. 61–82.
31. Navickas V., Kontautiene R., Stravinskiene J., Bilan Yu. Paradigm shift in the concept of corporate social responsibility: COVID-19 // *Green Finance*. 2021. 3 (2). 138–152. DOI: 10.3934/GF.20201008
32. McLennan S., Banks G. Reversing the lens: Why corporate social responsibility is not community development // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2019. 26 (1). 117–126. DOI: 10.1002/csr.1664
33. Deng X., Long X., Schuler D. A., Luo H., Zhao X. External corporate social responsibility and labor productivity: A S-curve relationship and the moderating role of internal CSR and government subsidy // *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2020. 27 (1). 393–408. DOI: 10.1002/csr.1877
34. Barnett M. L. Stakeholder influence capacity and the variability of financial returns to corporate social responsibility // *Corporate Social Responsibility (CSR) eJournal*. 2005. 7. DOI: 10.5465/amr.2007.25275520
35. Hendaro K. A. The implementation of corporate social responsibility (CSR) in Central Java earthquake: A preliminary study on consumer belief, attitude, and purchase intention // *Gadjah Mada International Journal of Business*. 2009. 11 (3). 409–441. DOI: 10.22146/gamaijb.5522
36. Fernando M. Corporate social responsibility in the wake of the Asian tsunami: A comparative case study of two Sri Lankan companies // *European Management Journal*. 2007. 25 (1). 1–10. DOI: 10.1016/j.emj.2006.12.001
37. Fernando M. Corporate social responsibility in the wake of the Asian tsunami: Effect of time on the genuineness of CSR initiatives // *European Management Journal*. 2010. 28 (1). 68–79. DOI: 10.1016/j.emj.2009.08.002
38. Zhao M., Wang F., Zhao D., Wei J. Using CSR theory to examine disaster aid response to the Wenchuan earthquake // *Global Business and Organizational Excellence*. 2015. 34. 50–59. DOI: 10.1002/joe.21614
39. Droppert H., Bennett S. Corporate social responsibility in global health: An exploratory study of multinational pharmaceutical firms // *Globalization and Health*. 2015. 11 (15). 1–8. DOI: 10.1186/s12992-015-0100-5

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

40. Smith N. C. Corporate social responsibility: Whether or how? // *California Management Review*. 2003. 45 (4). 52–76. DOI: 10.2307/41166188
41. Башмакова Е. П. Корпоративная социальная ответственность: зарубежный и российский опыт государственного регулирования // *Финансы и бизнес*. 2014. № 3. С. 108–117.
42. Башмакова Е. П. Развитие корпоративной социальной ответственности на северных и арктических территориях России // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2013. № 6 (37). С. 71–80.
43. Торопушина Е. Е. Социальное партнерство в российской Арктике в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2021. Т. 1, № 4. С. 396–404. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-4-396
44. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения / Л. А. Рябова, Е. Е. Торопушина, Е. А. Корчак, В. П. Тоичкина, Н. А. Новикова // *Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы: научно-аналитический доклад / под науч. ред. д. э. н., проф. В. С. Селина, д. э. н., проф. Т. П. Скуфьиной, к. э. н., доц. Е. П. Башмаковой, к. э. н., доц. Е. Е. Торопушиной*. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276–294.

References

1. Vapuji H., Patel C., Ertug G., Allen D. G. Corona crisis and inequality: Why management research needs a societal turn. *Journal of Management*, 2020, 46, 1205–1222. DOI: 10.1177/0149206320925881
2. Yakhneeva I. V., Leskovskaya A. V. Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' malogo i srednego biznesa do i posle pandemii [Corporate social responsibility of small and medium-sized businesses before and after the pandemic]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy], 2021, vol. 15, no. 5. pp. 1745–1756. (In Russ.). DOI: 10.18334/ce.15.5.112154
3. Mahmud A., Ding D., Kiani A., Hasan M. Corporate social responsibility programs and community perceptions of societal progress in Bangladesh: A multimethod approach. *SAGE Open*, 2020, 10 (2), 1–17. DOI: 10.1177/2158244020924046
4. Guerriero C., Haines A., Pagano M. Health and sustainability in post-pandemic economic policies. *Nature Sustainability*, 2020, 3, 494–496. DOI: 10.1038/s41893-020-0563-0
5. Toropushina E. E., Bashmakova E. P., Riabova L. A. *Sotsial'naya Arktika. Praktiki sotsial'nogo partnerstva v razviti arkticheskikh territoriy: nauchno-analiticheskiy doklad* [Social Arctic. Practices of social partnerships in the development of the Arctic territories: scientific-analytical report]. Apatity, FRC KSC RAS, 2020, pp. 76. (In Russ.). DOI: 10.37614/978.5.91137.442.6
6. Toropushina E. E., Bashmakova E. P. Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo v sotsial'noy sfere arkticheskikh stran Yevropy [Public-private Partnerships in the Social Sphere of the European Arctic Countries]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2020, no. 4, pp. 167–190. WOS: 000607682900007. (In Russ.).
7. Chakraborty U. K. Developments in the concept of corporate social responsibility (CSR). *The Researchers*, 2015, 1 (1), 23–45. DOI: 10.18356/1c39e4c3-en
8. Berle A. A. For whom corporate managers are trustees: A note. *Harvard Law Review*, 1932, 45, 1365–1372. DOI: 10.2307/1331920
9. Bowen H. R. *Social Responsibilities of the Businessman*. New York, Harper and Row, 1953, 226 p.
10. Carroll A. B. Corporate social responsibility: evolution of a definitional construct. *Business & Society*, 1999, 38, 268–295. DOI: 10.1177/000765039903800303
11. Freeman R. E., Husted B., Rahman S. S. *Unfolding Stakeholder Thinking: Theory, Responsibility and Engagement*. Routledge, 2002, 320 p. DOI: 10.4324/9781351281881
12. Davis K. Can business afford to ignore social responsibilities? *California Management Review*, 1960, 2, 70–76. DOI: 10.2307/41166246
13. Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Chicago, University of Chicago Press, 1962, 202 p.
14. Galbraith J. K. *The Age of Uncertainty*. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 1977, 365 p.
15. Preston L. E., Post J. E. *Private Management and Public Policy: the Principle of Public Responsibility*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, 1975, 157 p.
16. Danley J. *Corporation moral agency: the case for anthropological bigotry*. In: *Business ethics: readings and cases in corporate morality*. New York, McGraw-Hill, 1984, 526 p. (pp. 173–179).
17. Goodpaster K. E. *Conscience and corporate culture*. Malden, MA, Blackwell Publishing, 2007, 306 p.
18. Gavin J. F., Maynard W. S. Perceptions of corporate social responsibility. *Personnel Psychology*, 1975, 28, 377–387. DOI: 10.1111/j.1744-6570.1975.tb01545.x

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

19. Sethi S. P. Dimensions of corporate social performance: an analytical framework. *California Management Review*, 1975, 17, 58–64. DOI: 10.2307/41162149
20. Carroll A. B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance. *Academy of Management Review*, 1979, 4, 497–505. DOI: 10.5465/amr.1979.4498296
21. Blagov Yu. E. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'. Evolyutsiya kontseptsii* [Corporate social responsibility. Concept evolution]. Saint Petersburg, 2015, 157 p. (In Russ.).
22. Crane A., McWilliams A., Matten D., Moon J., Siegel D. *The corporate social responsibility agenda*. In: The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility Eds. Oxford, Oxford University Press, 2008, 3–18.
23. Melo T., Garrido-Morgado A. Corporate reputation: a combination of social responsibility and industry. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2012, 19, 11–31. DOI: 10.1002/csr.260
24. Bright D. Dialogue: Virtuousness is necessary for genuineness in corporate philanthropy. *Academy of Management Review*, 2006, 31 (3), 752–754.
25. Godfrey P. Dialogue: A reply to Bright: Virtuousness and the virtues of the market. *Academy of Management Review*, 2006, 31 (3), 754–756.
26. Porter M., Kramer M. The Big Idea: Creating Shared Value. How to Reinvent Capitalism — and Unleash a Wave of Innovation and Growth. *Harvard Business Review*, 2011, 89, 62–77.
27. Porter M., Kramer M. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. *Harvard Business Review*, 2006, 84 (12), 78–92. DOI: 10.1108/sd.2007.05623ead.006
28. Freeman R. E. *A stakeholder theory of modern corporations*. In: Ethical Theory and Business. Prectice Hall. Upper Saddle River, 2004, 56–65.
29. Francis B., Hasan I., Liu L., Wang H. Employee treatment and contracting with bank lenders: An instrumental approach for stakeholder management. *Journal of Business Ethics*, 2019, 158 (4), 1029–1046. DOI: 10.1007/s10551-017-3722-0
30. Riabova L. A., Didyk V. V. *Sotsial'naya litsenziya na deyatel'nost' resursodobyvayushchikh kompaniy kak novyy instrument munitsipal'nogo razvitiya* [Social license for the activities of resource companies as a new tool for municipal development]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], 2015, no. 3, pp. 61–82. (In Russ.).
31. Navickas V., Kontautiene R., Stravinskiene J., Bilan Yu. Paradigm shift in the concept of corporate social responsibility: COVID-19. *Green Finance*, 2021, 3 (2), 138–152. DOI: 10.3934/GF.20201008
32. McLennan S., Banks G. Reversing the lens: Why corporate social responsibility is not community development. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2019, 26 (1), 117–126. DOI: 10.1002/csr.1664
33. Deng X., Long X., Schuler D. A., Luo H., Zhao X. External corporate social responsibility and labor productivity: A S-curve relationship and the moderating role of internal CSR and government subsidy. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020, 27 (1), 393–408. DOI: 10.1002/csr.1877
34. Barnett M. L. Stakeholder influence capacity and the variability of financial returns to corporate social responsibility. *Corporate Social Responsibility (CSR) eJournal*, 2005, 7. DOI: 10.5465/amr.2007.25275520
35. Hendaro K. A. The implementation of corporate social responsibility (CSR) in Central Java earthquake: A preliminary study on consumer belief, attitude, and purchase intention. *Gadjah Mada International Journal of Business*, 2009, 11 (3), 409–441. DOI: 10.22146/gamaijb.5522
36. Fernando M. Corporate social responsibility in the wake of the Asian tsunami: A comparative case study of two Sri Lankan companies. *European Management Journal*, 2007, 25 (1), 1–10. DOI: 10.1016/j.emj.2006.12.001
37. Fernando M. Corporate social responsibility in the wake of the Asian tsunami: Effect of time on the genuineness of CSR initiatives. *European Management Journal*, 2010, 28 (1), 68–79. DOI: 10.1016/j.emj.2009.08.002
38. Zhao M., Wang F., Zhao D., Wei J. Using CSR theory to examine disaster aid response to the Wenchuan earthquake. *Global Business and Organizational Excellence*, 2015, 34, 50–59. DOI: 10.1002/joe.21614
39. Droppert H., Bennett S. Corporate social responsibility in global health: An exploratory study of multinational pharmaceutical firms. *Globalization and Health*, 2015, 11 (15), 1–8. DOI: 10.1186/s12992-015-0100-5
40. Smith N. C. Corporate social responsibility: Whether or how? *California Management Review*, 2003, 45 (4), 52–76. DOI: 10.2307/41166188
41. Bashmakova E. P. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': zarubezhnyy i rossiyskiy opyt gosudarstvennogo regulirovaniya* [Corporate social responsibility: foreign and Russian experience of state regulation]. *Finansy i biznes* [Finance and Business], 2014, no. 3, pp. 108–117. (In Russ.).
42. Bashmakova E. P. *Razvitiye korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti na severnykh i arkticheskikh territoriyakh Rossii* [Development of Corporate Social Responsibility in the Northern and Arctic Territories of Russia]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2013, no. 6 (37), pp. 71–80. (In Russ.).

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ АРКТИКИ

43. Toropushina E. E. Sotsial'noye partnerstvo v rossiyskoy Arktike v usloviyakh pandemii koronavirusa COVID-19 [Social partnership in the Russian Arctic under the COVID-19 coronavirus pandemic]. *Korporativnoye upravleniye i innovatsionnoye razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University], 2021, vol. 1, no. 4, pp. 396–404. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-4-396. (In Russ.).
44. Ryabova L. A., Toropushina E. E., Korchak E. A., Toichkina V. P., Novikova N. A. Sotsial'naya ustoychivost' regionov rossiyskogo Severa i Arktiki: rezul'taty otsenki i priority dostizheniya [Social sustainability of regions of the Russian North and the Arctic: results of assessment and achievement priorities]. *Sever i Arktika v novoi paradigme mirovogo razvitiya: aktual'nye problemy, tendentsii, perspektivy: nauchno-analiticheskii doklad* [The North and the Arctic in the new paradigm of global development: current problems, trends, prospects: analytical report]. Apatity, 2016, pp. 276–294. (In Russ.).

Об авторе:

Е. Е. Торопушина — канд. экон. наук, доц., ведущий научный сотрудник.

About the author:

E. E. Toropushina — PhD (Economics), Associate Professor, Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 8 июня 2022 года.

Статья принята к публикации 30 июня 2022 года.

The article was submitted on June 8, 2022.

Accepted for publication on June 30, 2022.